

Ганс Христиан Андерсен

Ель

В лесу стояла чудесная ёлочка. Место у неё было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом росли подруги постарше — и ели и сосны. Ёлочке ужасно хотелось поскорее вырасти; она не думала ни о тёплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали в лесу землянику и малину; набрав полные кружки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие прутьики, они присаживались под ёлочку отдохнуть и всегда говорили:

— Вот славная ёлочка! Хорошенькая, маленькая!

Таких речей деревцо и слушать не хотело. Прошёл год — и у ёлочки прибавилось одно коленце, прошёл ещё год — прибавилось ещё одно: так по числу коленцев и можно узнать, сколько лет ели.

— Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! — вздыхала ёлочка. — Тогда бы и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову, и мне бы видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнёзда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие!

И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима; земля была устлана сверкающим снежным ковром; по снегу нет-нет да пробежал заяц и иногда даже перепрыгивал через ёлочку — вот обида! Но прошло ещё две зимы, и к третьей деревцо подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его.

«Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом — что может быть лучше этого!» — думалось ёлочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Ёлочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревцо спросило у них:

— Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их?

Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

— Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными, высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Вот где они!

— Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать! — отвечал аист и улетел.

— Радуйся своей юности! — говорили ёлочке солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненным силам!

И ветер целовал дерево, роса пролиwała над ним слёзы, но ель ничего этого не ценила.

Около рождества срубили несколько совсем молоденьких ёлок; некоторые из них были даже меньше нашей ёлочки, которой так хотелось скорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие; их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

— Куда? — спросила ель. — Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

— Мы знаем! Мы знаем! — прочирикали воробьи. — Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди тёплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами, золочёными яблоками, медовыми пряниками и множеством свечей!

— А потом?.. — спросила ель, дрожа всеми ветвями. — А потом?.. Что было с ними потом?

— А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

— Может быть, и я пойду такую же блестящую дорогой! — радовалась ель. — Это

получше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее пришло рождество! Теперь и я стала такою же высокою и раскидистою, как те, что были срублены прошлый год! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла разубранною всеми этими прелестями, в тёплой комнате! А потом что?.. Потом, верно, будет ещё лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно будет? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

— Радуйся нам! — сказали ей воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а всё росла да росла. И зиму и лето стояла она в своём зелёном уборе, а все, кто видел её, говорили: «Вот чудесное деревцо!» Подошло наконец и рождество, и ёлочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже подумать о будущем счастье; грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла, — она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг — елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревцо пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и слышало возле себя чей-то голос:

— Чудесная ёлка! Такую-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли ёлку и внесли её в огромную, великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках; повсюду были расставлены кресла-качалки, обитые шёлком диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот далеров — так по крайней мере говорили дети. Ёлку посадили в большую кадку с песком, обвернули кадку зелёною материей и поставили на пёстрый ковёр. Как трепетала ёлочка! Что-то теперь будет? Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать её. Вот на ветвях повисли набитые сладостями маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, выросли золочёные яблоки и орехи и закачались куклы — ни дать ни взять живые человечки; таких ёлка ещё не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек — красных, голубых, белых, а к самой верхушке ели — большую звезду из сусального золота. Ну, просто глаза разбегались, глядя на всё это великолепие!

— Как заблестит, засияет ёлка вечером, когда зажгутся свечи! — сказали все.

«Ах! — подумала ёлка. — Хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечи! А что же

будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробы? Или, может быть, я врасу в эту кадку и буду стоять тут такую нарядной и зиму, и лето?»

Да, много она знала!.. От напряжённого ожидания у неё даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажглись свечи. Что за блеск, что за роскошь! Ёлка задрожала всеми ветвями, одна из свечек подпалила зелёные иглы, и ёлочка пребольно обожглась.

— Ай-ай! — закричали барышни и поспешно затушили огонь.

Больше ёлка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял её. Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей; можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а потом поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети плясали вокруг ёлки, и мало-помалу все подарки с неё были сорваны.

«Что же это они делают? — думала ёлка. — Что это значит?»

Свечки догорели, их потушили, а детям позволили обобрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви затрещали! Не будь верхушка с золотой звездой крепко привязана к потолку, они бы повалили ёлку.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на ёлку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к ёлке маленького, толстенького человека.

Он уселся под деревом и сказал:

— Вот мы и в лесу! Да и ёлка кстати послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, всё-таки прославился и добыл себе принцессу?

— Про Иведе-Аведе! — закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна ёлка стояла смирно и думала: «А мне разве нечего больше делать?»

Она уж сделала своё дело!

И толстенький человек рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, всё-таки прославился и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали:

— Ещё, ещё! — Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла ёлка, — лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. «Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и всё же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!» — думала ёлка; она вполне верила всему, что сейчас слышала, — рассказывал ведь такой почтённый человек. «Да, да, кто знает! Может быть, и мне придётся свалиться с лестницы, а потом и я стану принцессой!» И она с радостью думала о завтрашнем дне: её опять украсят свечками и игрушками, золотом и фруктами! «Завтра уж я не задрожу! — думала она. — Я хочу как следует насладиться своим великолепием! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может статься, и про Иведе-Аведе». И деревцо смирно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Поутру явились слуги и горничная. «Сейчас опять начнут меня украшать!» — подумала ёлка, но они вытащили её из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый тёмный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет.

«Что же это значит? — думала ёлка. — Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?» И она прислонилась к стене и всё думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи — никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нём, казалось, забыли.

«На дворе зима! — думала ёлка. — Земля затвердела и покрылась снегом; нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело!

Кругом снег, а по снегу зайчики скачут! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!»

— Пи-пи! — пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним ещё один, маленький. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

— Ужасно холодно здесь! — сказали мышата. — А то совсем бы хорошо было! Правда, старая ёлка?

— Я вовсе не старая! — отвечала ель. — Есть много деревьев постарше меня!

— Откуда ты и что ты знаешь? — спросили мышата; они были ужасно любопытны. — Расскажи нам, где самое лучшее место на земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока и где можно плясать на сальных свечках? Туда войдешь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

— Нет, такого места я не знаю! — сказала дерево. — Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности; мышата никогда не слыхали ничего подобного, выслушали рассказ ёлки и потом сказали:

— Как же ты много видела! Как ты была счастлива!

— Счастлива? — сказала ель и задумалась о том времени о котором только что рассказывала. — Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

— О! — сказали мышата. — Как же ты была счастлива, старая ёлка!

— Я совсем ещё не стара! — возразила ёлка — Я взята из лесу только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

— Как ты чудесно рассказываешь! — сказали мышата и на следующую ночь привели с собой ещё четырёх, которым надо было послушать рассказы ёлки. А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала своё прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упал с лестницы, а всё-таки ему

досталась принцесса! Может быть, и я сделаюсь принцессой!

Тут дерево вспомнило хорошенькую берёзку, что росла в лесной чаще неподалёку от него, — она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе? — спросили мышата, и ель рассказала им всю сказку; она запомнила её слово в слово.

Мышата от удовольствия прыгали чуть не до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось ещё несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышат, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только! — отвечала ель. — Я слышала её в счастливейший вечер моей жизни; тогда-то я, впрочем, ещё не сознавала этого!

— В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечки? Про кладовую?

— Нет! — ответило дерево.

— Так счастливо оставаться! — сказали крысы и ушли.

Мышата тоже разбежались, и ель вздохнула:

— А ведь славно было, когда эти резвые мышата сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет!

Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала её довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок её по лестнице вниз.

«Ну, теперь для меня начнётся новая жизнь!» — подумала ёлка.

Вот на неё повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца — ель очутилась на дворе.

Всё это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для неё, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду; в саду всё зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали взад и вперёд и щебетали:

— Квир-вир-вит! Мой муж вернулся!

Но это не относилось к ели.

— Теперь я заживу! — радовалась она и расправляла свои ветви. Ах, как они поблёкли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, в крапиве и сорной траве; на верхушке его всё ещё сияла золотая звезда.

Во дворе весело играли те самые ребяташки, что прыгали и плясали вокруг разубранной ёлки в сочельник. Самый младший увидел звезду и сорвал её.

— Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой ёлке! — крикнул он и наступил на её ветви; ветви захрустели.

Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой тёмный угол на чердак. Вспомнились ей и молодость, и лес, и весёлый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

— Всё прошло, прошло! — сказала бедная ёлка. — И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... всё прошло, прошло!

Пришёл слуга и изрубил ёлку в куски, — вышла целая связка растопок. Как жарко запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнём и встречали каждый выстрел весёлым «пиф! паф!» А ель, испуская тяжёлые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звёздные зимние ночи в лесу, весёлый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли во дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала ёлку в счастливейший вечер её жизни. Теперь он прошёл, канул в вечность, ёлке тоже пришёл конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Всё на свете имеет свой конец!